

А в том аду дрожат клеветы Люцифера⁴²,
 Там стон стоит и лай; дымящаяся сера
 955 Горящим озером легла, ее пары
 Повисли пологом черней ночной поры.
 Сей ад не балаган какой-то скомороший⁴³,
 Для выживших ханжей придуманный святошей,
 Земным карандашом не начертать никак
 960 Ни вышний райский сад, ни черный адский мрак.

Вы, падшие, рекли: «Рождение наше случай,
 Которым правит рок, а смертью неминучей
 Преображается дыханье наше в пар.
 Речь — искры от сердец, чей остывает жар,
 965 И вот становится холодным пеплом тело.
 Душа — из воздуха: глядишь — и улетела.
 Глокает время всё, и память о делах,
 Как туча черная, редет на глазах
 И плотный свой покров от взоров прячет где-то.
 970 Скрывается туман от солнечного света.
 Наш век всего лишь тень, исчезнет — не поймать».
 Нам приговор суров, тверда его печать.

Вы, грубые, рекли: «Что хуже отлученья
 От лика Божьего во мраке заточенья?»
 975 Нет, жизни конченной не так вам будет жаль,
 Как чувств потерянных, ведь радость и печаль,
 И зависть, ежели вы знали их когда-то,
 Утратят прежний вкус, исчезнут без возврата,
 А посему вкусить придется, какова
 980 Вся мера ужаса без лика Божества.